

Сосновый ч1

Когда едешь в Подгорный, то не важно, с какой стороны прибываешь, город открывается перед тобой издали, волшебной сказкой среди величественного пейзажа. На фоне громадных гор, когда едешь на поезде, на фоне бесконечных уходящих вниз лугов и долин, когда приходишь с севера, на открытом лугу, если выехал к нему из леса.

И ты всегда можешь понять, что вот она – граница. За защитными сооружениями от селевых потоков, за забором, за воротами, за дорогой, за речкой – где проведёшь, где для тебя она видна.

С Сосновым всё иначе.

Когда едешь к нему из Подгорного, то замечаешь, как начинают меняться скалы. Останцы других геологических эпох, подпертые снизу новыми скалами, отброшенные в сторону молодыми горами, подобно старой шкуре, что слезла со змеи. Обветренные, выветренные, обточенные дождями до гигантской гальки, расколотые, потрескавшиеся – вот какие становятся скалы. Они идут огромными намощенными стенами по хребтам, словно бы сложенные великанами, и торчат и не то пальцами, не то башнями-дозорными на отдельных горах.

Со скалами меняется и лес. Иная высота, иная ориентация склонов на стороны света, другая влажность. Новый климат. И вот, темный и тихий ельник сдаёт позиции, появляются свечки сосновых стволов, становится дальше видно.

Плавно и неспешно хвойное разнообразие переходит в разнообразие сосновое. Вон там появились могучие кедровые сосны, тут, на термальном источнике, приютились южные приморские сосны с огромным пушистыми иголочками. Дома у горячих источников – последний ориентир, но граница это города или нет – поди разбери. Город не открывается виду, пока ты едешь по лесу, и не прячется за деревьями. Он просто стоит, и ты внезапно обнаруживаешь, что мелькавшие крыши и стены – это на самом деле уже город, и едешь ты едва ли не по главной улице, под крышей сосновых веток, по дороге, посыпанной хвоей и шишками.

Пожалуй, это один из лучших способов попасть в Сосновый, поразиться его зелени, укрытости от ветров, солнечной мозаике на домах и заборах, уюту, и, не успев задаться вопросом о достатке витаминов и света на грядках, выехать к горному озеру.

Велоповозка, кренясь и скрипя на поворотах, добралась до почтовой станции. Парни аккуратно заехали во двор, грифон соскочил с сиденья и отсалютовал вышедшему навстречу почтальону:

- Рухгерт Штерн и Заккори Натаниель с транспортом из Подгорного!

- Добро пожаловать в Сосновый, ребята, - улыбнулся панголин, - а тебе, Штерн, привет от сестры.

У Руха ёкнуло в груди.

- Она здесь?

- Была тут позавчера, всю тренируется с другими фералами. Просила передать, что ночное ориентирование сдала на отлично.

- Здорово, папа будет гордиться! Повозку разгружать? Вот перечень, что и кому в ней нужно отдать.

- Да, спасибо за помощь, склад вон там, ставьте всё в угол справа от входа, я потом разнесу по домам. Те мешки, что поедут дальше, поставьте слева.

- А не проще ли отвезти сейчас? – спросил Зак, вставая с сиденья и разминая ноги, - Пока всё упаковано и в телеге?

- Вам разве не надоело за сегодня крутить педали? – улыбнулся почтальон, - Тут не всё для этого города, что-то поедет дальше. Через час должен придти еще один транспорт, часть ему, часть его писем – сюда, а вечером я развезу всё это по городу, чтобы не бегать дважды. У вас как с оплатой, по возвращению всё, или половину отдать сейчас?

- Сейчас, пожалуйста, - улыбнулся фелин, перетаскивая свёртки, - у нас завтра целый день, чтобы погулять. А ещё за небольшую плату я могу перебраться вам повозку, некоторые узлы просят чистки и смазки.

- Хорошо, забегай, как будет время, но чтоб послезавтра выехали вовремя, или вы больше не почтальоны.

- Договорились!

Друзья получили деньги, подхватили оставшиеся в багажнике рюкзаки и вышли в город, ещё не привыкшие к ходьбе после многочасовой поездки.

В сторону от озера, по извилистой крутой дорожке, к огромным цистернам, заменяющим водонапорные башни, но не доходя до них, а сворачивая в маленький проулочек, к каменному, по пояс, заборчику и саду с красивой мозаикой и солнечными часами.

Дальний конец сада был на краю обрыва, и с него открывался просторный воздушный коридор, через который могли прилетать грифоны-фералы. В другом конце сада, частично на соседнем участке, стоял большой дом, в котором жили три пернатых семьи.

Почти все они были родственниками Рухгерта по материнской линии, бабушка с дедушкой, двоюродные и троюродные дяди и тётки, и, как у него в семье, у них тоже были крылатые дети. По вполне понятным причинам, четырехлапые крылатые грифоны обычно выбирают в спутники жизни таких же четырехлапых крылатых, чтобы вместе летать и одновременно стареть. Но бывает, что пара не похожа друг на друга, и он или она остается жить дальше и заботиться о детях, которые так же могут быть крылатыми или двуногими.

Двуногим проще строить дома и держать хозяйство, не давать «классическим», как их называют бесхвостые, грифонам одичать, помогать им быть частью общества. Таким проще держаться большими семьями, присматривая друг за другом и протягивая руку помощи там, где это нужно.

Ребята остановились у калитки, на которой был пёстрый, видимый издали флаг, сообщающий всем путникам, ищущим ночлег и ужин, что в этом доме можно остановиться за определенную плату.

Если путешествовать по Общему пешком, на велосипеде или на редких и невообразимых попутках, то есть грузовиках, грузовых поездах и гужевых телегах, словом, без комфорта, но с приключениями и возможностью изменить маршрут где захочешь, то такие дома – отличное подспорье. В некоторых за ночь с вас возьмут денег, и это проще и неинтереснее всего, к тому же, истощает карман путника. В некоторых домах, как этот, тоже могут взять деньгами, но чаще всего попросят поработать: помочь в саду или на кухне, или со стиркой постельного белья от предыдущих гостей, с выбиванием ковров, или ещё чем-нибудь, не требующем большого мастерства. Впрочем, некоторые жители готовы впустить к себе за беседу и интересные рассказы, если такие есть, и если на то есть настроение.

Среди молодёжи упорно ходят слухи, что есть особые, редкие знаки на флагах, касающиеся способов оплаты. Может быть, это выдумки бесхвостых о фелинах и панголинах, но последние считают, что это грифоньи байки для компенсации своего образа жизни.

Так или иначе, флаг на калитке повторял узор на крыше и не требовал от путников ничего особенного, как и не предлагал необычных условий: место на ночь и ужин за деньги или работу. Рух положил руку на калитку и посмотрел в сад.

- Макс! – Грифон помахал рукой белому сородичу, что ходил между грядок. Парень лет на пять старше Рухгерта махнул рукой, приглашая зайти, поставил ведро у дорожки и вышел навстречу гостям.

- Рух, Зак, рад вас видеть! – Рукопожатия, переходящие в объятия с похлопыванием по спине, – Мы вас ждали, получили письмо, постарались сменить график работы, чтобы все-все-все собраться. Ну, почти все. Вы со спальниками? Ну ладно, а то постели готовы, не спрашивайте, где, я ушёл работать ещё до того, как девчонки пришли к согласию. Можете сбросить вещи у меня, не получите от бати крылом за потакание девчачьим фантазиям. Вы

голодны или не очень? Мы-то уже пообедали несколько часов как. Присядете после долгой дороги и набьёте желудки до отвала под тысячи вопросов, или сперва вместе поплаваем? Мы собирались на озеро, заодно освежитесь с дороги, апельсиновые вы мои. Или окатить вас из шланга?

- Спасибо, - ответил Рухгерт, проходя с ним через сад, - не то чтобы я не хотел дать ногам отдых, но и сидеть пока не особо смогу. Давай сбросим вещи у тебя и поздороваемся с остальными, а там может быть и на озеро.

- И если есть чем помочь – скажи, - добавил Зак, оглядывая двор.

- Ну, за этим не заржавеет, - засмеялся Макс.